4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 36 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ Ленинград, Просп. 25 Октября, 88. Телефон редакции 5-49-78, конторы 1-38-90. 1926 ГОД

ПЕРЕВОРОТ ПО-ГРЕЧЕСКИ

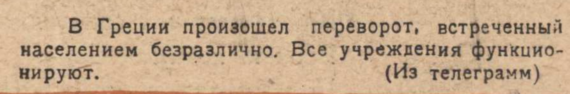

В Греции произошел переворот, встреченный населением безразлично. Все учреждения функционируют. (Из телеграмм)

Рис. Н. Радлова

— А в чем же переворот? — спросит недогадливый читатель. А в том, дорогой читатель, что прежний грек-генерал чистил левую ножку господину англичанину, а этот, глядите, — за правую принялся.

КАК АМЕРИКА ОТКРЫЛА АМЕРИКУ

— Кто теперь поверит, что коммунисты разрушают искусство?! Рибейра, Зурбаран, Веласкез, Мурильо, Эль-Греко! Хоть бы одну десятую всего этого иметь в Буэнос-Айресе или в Рио-де-Жанейро!

Из признаний аргентинцев, недавно посетивших Ленинград.

Раздувшись от сверх прибыли
Сверх мочи и сверх мер,
Миллионеры прибыли
Гуртом в СССР.

К чертям пути обычные,
Замбезе, Мозамбик!—
Раз в сотню экзотичнее
„Л'ета де большевик".*)

Конец питанью сплетнями!
Воочию хотим
Под клюквами столетними
Костров увидеть дым.

Из мяса человечьего
Отведать шашлыка,
Заставив нам испечь его
На угольках в Че-ка.

В слепых землянках-хижинах
Увидеть поскорей
Забитых и приниженных
Туземцев-дикарей.

Затеяв торг с тунгусами,—
Дела, всегда дела!—
Хитрей надуть их бусами
Из дутого стекла.

Но вот и час прибытия,
Но вот и „Эрмитаж":
Колумбы—сверх-события!—
Впадают в дрожь и раж:

Катаются в истерике
Вопят на целый свет:
„Богатств таких в Америке—
В помине даже нет!!"

И разом—не потеха ли?—
Мясистый кажут зад:
Сконфузились, поехали
В Америку назад.

В. Князев.

*) Государство большевиков.

ПО НОВОМУ ПРЕЙС-КУРАНТУ

В виду повышения жалования чиновникам римского папы в церквах Ватикана предположено повышение таксы на различные обряды с начала сентября.

Рис. А. Радакова

— Отпускаю грехи твои, дочь моя. Содеянные до 1-го сентября—по прежней таксе а содеянные позже—с доплатой трех лир.

ДУРАКИ ПО-ГРЕЧЕСКИ

Правительство Греции издало декрет, воспрещающий чинам армии занятия политикой.

Из телеграмм.

В древние века Греция славилась поставкой на весь мир философов. Философы так и назывались: Греческие.

Когда философы все вышли, Греция стала поставлять орехи.

Орехи так и называются: Грецкие.

И только на этих днях Греция прославилась декретом, в котором, как в фокусе, соединились ум грецкого ореха и съедобность греческого философа. Декрет тоже называется греческим.

* * *

И представьте (таково свойство всех умных декретов!)—зло было изжито скорее, чем сапоги чистятся до блеска.

Не успел министр Ракипополу подумать:

— Посмотрим, что из этого выйдет!—как к нему прибежал сияющий, словно лак, товарищ министра Сифилидис с радостной вестью:

— Готово! Чисто, как арбуз! Больше в армии нет политики! Вся!

— Не может быть!—восторженно изумился Ракипополу.

— Совершенно верно: не может быть! Вся штука в декрете!

— Но вы уверены, что декрет достиг цели?

— Еще бы!

— Наши солдаты не будут читать вредных газет?

— Ну, да. Согласно первого параграфа!

— И не станут вести вольнодумных разговоров?

— А как же! Параграф второй, пункты «а» и «б» того же декрета.

— И не допустят к себе всяких дурацких ораторов?

— Разумеется! Примечание «в» второго пункта.

— Ну, хорошо. А думать? Неужели они и думать перестанут на всякие политические темы?

— Параграф четвертый, пункт «д». В нем перечислены все дозволенные мысли. Я посетил казармы. Все идет, как нельзя лучше: начальники приступили к занятиям по отучению солдат от политики. Ах, что за картина: вы бы послушали, как они по команде, в один голос, повторяют урок «Я не думаю о политике».

* * *

Дальнейшее произошло скорее, нежели успели запылиться вычищенные сапоги.

Ракипополу и Сифилидис уныло шагали, окруженные солдатами.

— Послушайте,—говорил Ракипополу:—похоже на то, что не мы ведем, а нас ведут.

— Похоже—вздохнул Сифилидис:—Как два сапога пара...

— Но ведь это ж чистейшая политика? Это же бунт, восстание?

— Как два сапога!—вздохнул Сифилидис.

— Солдатики! Куда вы нас ведете? Разве можно нас водить? Ведь это—политика, запрещенная декре[том]..

— Поговори у нас, сволочь!

— Спасибо за разрешение, Вот я и говорю: зачем же вы нас... Ой! какие твердые приклады!..

— А ты думал, что винтовка из ваты сделана?

— Нет, я этого не думал, солдатики...

Ракипополу крякнул и добавил, почесывая спину:

— Думать воспрещается параграфом четвертым, пункт «д».

Азиат

ТОНКАЯ ПОЛИТИКА

— А про то, что нашему брату, крестьянскому выдвиженцу, туговато приходится, действительно происходит много разговоров... Будто спецы затирают и ходу не дают... Но эти разговоры, конечно, сильно преувеличены.

Вот я, например, тоже выдвиженец, а между тем, в том учреждении, куда меня работать выдвинули, отношение ко мне было самое хорошее, а первое время мне даже помогали всячески в делах разобраться, хотя многие и удивляются...

А я скажу, нечему тут удивляться. Раз плохое отношение, значит сам выдвиженец плохой попался, или же политику неправильную пов л, а—здесь тонкая политика необходима.

И еще когда меня в Губисполком вызвали, объявил мне председатель:

— Смотри, Смирягин, не подкачай. Должен, говорит, ты доказать,—что наша, говорит, мужицкая порода всякие дела ворочать может. Поедешь ты в столицу туда-то и туда-то, так и так... И все подробно рассказал, как себя там держать. И совет один дал по секрету на худой конец воспользуешься, не пожалеешь.

Попрощались мы с ним, машина свистнула, и я покатил.

Приехал я. Заявился в учреждение, а оттуда уже меня в комиссию послали на работу; как-раз такая комиссия, что крестьянские вопросы решает.

Работаю я там день-два, однако, вижу—плохо дело, служащие не помогают; прямо, можно сказать, в грош не ставят. Жаловаться, думаю, неудобно, да и куда пойдешь, кому скажешь?

Вижу, что я таким манером далеко не уеду, и вспомнил совет дорогого товарища предгубисполкома, говорю товарищам по канцелярии:

— Дорогие, вы, вероятно, меня по моей серости за выдвиженца принимаете... Должен вам эту ошибку разъяснить: прошу иметь в вашем виду, что Петру Петровичу (а это наиглавнейший наш начальник) не менее, чем двоюродным братом прихожусь...

Как они тут обрадовались!

— Какой, говорят, он герой, Петр Петрович, что серой родней своей не гнушается...

— Еще-бы, говорю, Петька наш парень простой и родственников очень обожает.

— А ведь на Петра Петровича, говорят,—сходство есть. Прямо, говорят,—сходство есть. Прямо, говорят, портрет его. Как мы, говорят, сразу не заметили...

— Что-ж вы, говорят, голубчик, из себя инкогнито разыгрывали (это, значит, вроде про себя все в секрете держали).

— А это, говорю, уж Петруша у нас такой—не любит, чтобы про его добрые дела языком трепали. Неудобно, все-таки, как-ни-как, родственнику открыто притяже делать. Ты, говорит, там под шумок за выдвиженца сойдешь...

И тут они тоже поражались, дорогие мои сослуживцы: „Ах, да какой он скромный!“

Ну, дальше—больше. Отношение я с ними наладил, все честь-честью, в курс работы они меня наперебой вводить стали, а я только пыхтел да на ус мотал.

А в один прекрасный день, холодные они ко мне стали, как ледяшки, а один дорогой сослуживец говорит мне, с деликатным намеком:

— Довольно нахально,—говорит,—когда некоторые люди лезут на голову и родственничками представляются...

А мне уже на них чихать было, потому я все произошел и во всех курсах дела был...

А вы говорите—к выдвиженцу плохие отношения? Ко мне сейчас замечательно относятся, особенно в глаза, конечно, а потому все, что с тонкой политикой действовал...

Тонкая политика,—она, братцы, всегда вывезет!

С. Карташов

ТОЧНЫЙ ОТВЕТ

— А как у вас борьба с хулиганством идет?

— С некоторыми перебоями! Вот вчерась всех милиционеров в районе перебили!

ЛЕГКОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

— За что, браток, судишься?

— Да так... Плевое дело: в морду одному плюнул!

СЕЗОННЫЙ ОТВЕТ

(К эпидемии несчастных случаев на воде)

Рис. Б. Антоновского

— Детей, гражданка, имеете? Сколько?
— А не знаю, милый, сколько: они купаться пошли.

КАК ЭТО БЫЛО

(Веселенькая история по порядку)

На фабрике «Моссукно», имени Каменева, проворовались все, кто только имел доступ к фабричным или общественным деньгам. Директор ф-ки растратил 100 тысяч, работники фабкома—1.300 р. Директор и председатель фабкома выстроили себе дома на счет фабрики. Дело передано прокурору.

(„В. Красн. Газ." № 197).

Сухо и кратко сообщение Роста...
До чего в жизни все просто:
Пришел Пред—
Взял.
Преду во-след,
Пришел Зампред—
Взял.
А там — Главбух:
„Не давить же мне мух?"
Захватило дух...
Взял.
А там поперли мелкие сошки:
Кому—червяки, кому—трешки.
Залезли сошки в фабком,
Сплелись сошки тесным клубком.
Занятья дневные... Занятья вечерние—
Пошла писать губерния...
А с виду все прочно, все—в аккурат:
И штаты—как штаты, и люди—как люди.
Режим экономии... Урезка трат...
И чай в оловянной посуде.
Не жизнь, а работ расписание;
Спокойствие, радости, тишь да гладь,
И в умах, и в сердцах—предписание:
—„Начальство против шерстки не гладь!
„Если ты—директор,—поезжай в Ниццу,
„Если помбух,—воруй в углу,
„Марай как хочешь свою страницу
„И пой смекалке своей хвалу.
„Будь ты хоть трижды член Фабзавкома,
„Помни, что ты—человек, не дрянцо:—
„Норма — не свыше трехэтажного дома
„На одно и то же лицо!
„Будь скромен, бойся отставки,
„Воруй в пределах месячной ставки.
„Если заметишь „в сферах" движение—
„Где-то мол как-то завелся прохвост—
„Сейчас-же строчи им опровержение
„И крой оскорбителей в гриву и в хвост!.."

* * *

Сижу я в грустях у окна:
Не вывели моли из недр Моссукна...
Помилуйте! В центре, где глаз наш суров,
Проморгали шайку воров?!
Сотни комиссий, с самой РКИ,
Глядели, балдели и пили чаи.
Бились в отчетах, сверяли нули...
А рядом бандиты тащили кули.
Чем успокою смятенье души?
Мудрый Губсуд, разреши!

Александр Флит

НЕ ВСЕ У СЕБЯ ДОМА,
ИЛИ ИЩИ В ИСПРАВДОМЕ, КОЛИ НЕТ ЕГО В ДЕТДОМЕ

В Жилыбинский детдом заведующий попал прямо из тюремных надзирателей. Наиболее убедительными средствам воздействия на детей считалась угроза с револьвером в руках.

(„Коммунар", Тула)

Рис. Б. Малаховского

Школьный надзиратель:—Что-ж это вы, черти, не готовите уроков! Убью!!..

Тюремный... воспитатель:—Дорогие преступнички Солнышко село, птички спят... И вам бай-бай пора!..

КОНЕЦ КУПАЛЬНОГО СЕЗОНА

Рис. А. Радакова

— Слыхали? Наш председатель только что с грязевых ванн вернулся.
— Тем лучше! Мы его сейчас выведем на чистую воду!

В ВОЛШЕБНОМ КРУГЕ

Лишь тонкая фанерная перегородка отделяет от меня чету Покрышкиных... Вот почему из месяца в месяц, из года в год я наблюдаю безысходно замкнутый волшебный круг их жизни.

Сегодня Иван Семеныч пришел со службы и весело сказал:

— Интимное да будет всемирным!

Это значит, что он получил жалованье.

Отчетливо слышен его озабоченный голос.

— Ну, проскрипели месяц—и будет! Пора и встряхнуться!.. Оденься, Дашенька, пошикарней и едем.. Эх, Даша, хоть минута, да наша!..

— Ванечка, зеленое или лиловое?

— Шпарь лиловое, а главное—губки намажь погуще!.. Люблю, когда ты у меня на ять! Пролетарская герцогиня!..

Покрышкин насвистывает „Кирпичики“, значит—сейчас зайдет ко мне. Вот он скромно стучит в мою дверь и, не дождавшись ответа, полураскрывает ее:

— Конечно, можно?

И вот я вижу его выпуклые озабоченные глаза подстриженные усики, тщательный пробор. Он—в толстовке, но какой-то вычурной: всюду нашиты карманы полоски, карманчики. А брюки короткие, и лихо выдвигаются длиные носы модных ботинок.

— А я вам долг занес,—червончик!.. Не доедаешь, знаете-ли, не допиваешь, а долги платить все же надо—таков мой принцип.

— Да... но...

В это время звонкий голосок Дарьи Григорьевны уже напевает:

— Ванечка! А я готова... готова... готова!

Покрышкин скрывается, снова оборванный свист „Кирпичиков“... И тишина. Я знаю—надолго. До глубокой ночи. Ночью на миг просыпаюсь. За перегородкой шопот, возня и храп. И снова тишина.

А утром, как всегда из месяца в месяц, из года в год:

— Дашенька, где мой кошелек?

Зевок. Сонный голос:

— Где-нибудь в кармане... Поищи хорошенько!

— Нашел. Да он пустой! А у тебя не осталось?..

— У меня? А разве ты мне давал вчера деньги?

„Дашенька“ окончательно просыпается:

— Фу! Какой ты, право, несносный... Не дашь поспать хорошенько.

Озабоченный голос Покрышкина:

— Знаешь ли... пяти червяков, как не бывало!

Через полчаса Покрышкин стучит ко мне и, не дожидаясь ответа, входит: толстовка слегка помята, лицо помято, глаза удивленно выпучены:

— Товарищ, одолжите, пожалуйста, червонец! При первой возможности...

— Да... но...

Я даю „вчерашний“ червонец Покрышкину, и невольная улыбка искажает мое лицо.

* * *

И каждое утро. И день. И вечер:

— Ты, пожалуйста, не трать так много спичек! Оставляешь, где ни попало! Другие целые карманы набивают чужими спичками а он...

— Дашенька!

— Чего „Дашенька“! Я двадцать шесть лет „Дашенька“! А папиросы мог бы курить за двенадцать коп., как другие, а не швыряться деньгами...

— Дашенька, а ты булок купила к чаю?

— И хлебом обойдешься—невелик барин!

— Нет... филе соте... консомэ буйи.. соус провансаль! Я и газолину-то с трудом заняла, у Ивакинских... А он — дурак!..

Слышен злобный голос Покрышкина:

— Проклятые! Платят восемь червонцев, а работаешь, как каторжный...

И, как качание маятника, изо-дня в день: черный хлеб — картошка — спички—„Смычка“— картошка — черный хлеб.

Слава вечно текущему времени! Месяц прошел, и опять я слышу за стеной:

— Интимное да будет всемирным...

— Дашенька, оденься пошикарнее! Эх, Даша, хоть минутка да наша!

Покрышкин насвистывает „Кирпичики“, значит сейчас зайдет ко мне и отдаст червонец.. до утра.

К. Милль Полярный

„УЧЕНЬЕ—СВЕТ!“

(По статье М. Кольцова—„Голые факты“).

В Сочинской старшей группе, (третий год обучения) ученики знают деление только до 100, учат меры времени.

Последняя группа: считает по порядку до 100, цифры пишет до 30, задачи решает до 15.

Отныне Сочинский район
В Союзе будет всем известен,
Настолько в школьном деле он—
Неподражаем и прелестен!
Ахтырка, Глупов и Тамбов
Чурбашки клонят побежденно
Пред превосходством медных лбов
Неповторимого района!
Аминь. Окончив наш куплет,
Орем в журнале, что есть мочи:
Во-истину, ученье—свет,
Но только... не в районе Сочи!

В. Князев

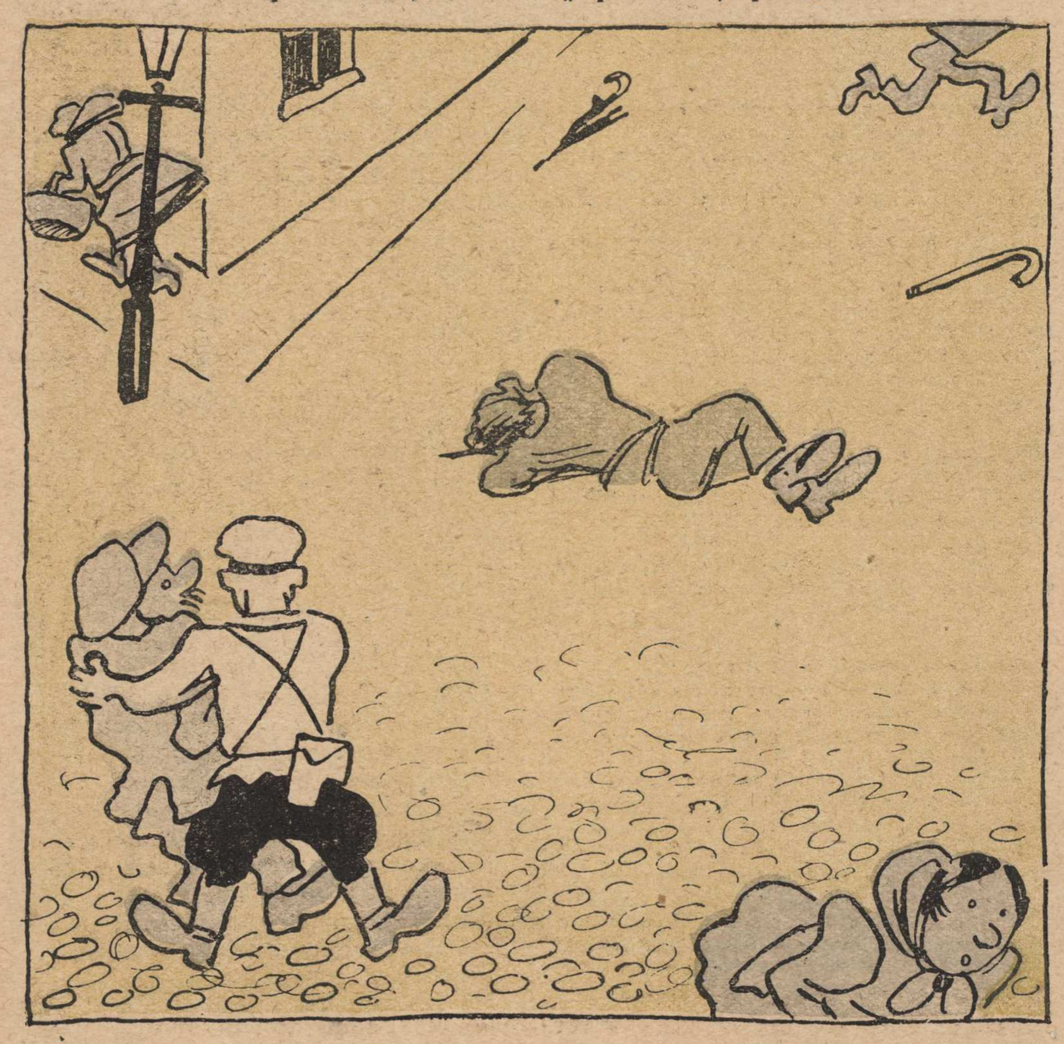
КАК БЫЛО И КАК БУДЕТ

Рис. Н. Радлова.

Разработан проект закона, разрешающий милиционеру привлекать граждан к содействию по задержанию пьяных и хулиганов. („Веч. Кр.“ № 189).

Прежде, в случае скандала,
Соблюдая строгий чин,
Нам милиция внушала:
„Проходите, гражданин!“

А сейчас дела иные,—
Изменение картин:—
Тщетно молят постовые:
— „Да постойте ж, гражданин!“

ЛЕБЕДЬ

Бывало, в наш уездный куролесовский кооператив „Луч Свободы“ заглянешь:

— Что у вас есть?

А Пятериков, заведующий:

— Все есть... Конверты, бумага почтов... т.-е. курительная, сахар, извиняюсь,—песок. А вот пудра „Лебедь“ наивысшего качества. Освежение от ей получается и блеск лицу, вроде, как сапог от гуталину.

— А ну те к лешему! Тут, можно сказать, штаны на мясе проедаем, дерут, подлецы, почем зря, а ты с „Лебедью“.

Перед праздниками набьются в лавку:

— Пятериков! Что у тебя имеется?

— Карандаши химичные, кнопки. Опять же пудра, как ее?.. „Лебедь“. Освежение...

— Катись ты с этой „Лебедью“ знаешь куда? Эх ты, „Лебедь“!

Так Лебедем и звали.

Многие и фамилию забыли. Не раз даже и письма получал, адресованные так: „Г. Куролесов, кооператив „Луч Свободы“, заведующему, товарищу Егору Егорычу Лебедю“.

Сначала эта кличка Пятерикова бесила: раздражался, огрызался, а потом привык.

Ему:

— Эй, Лебедь!

А он:

— В чем дело?

Но вот Пятериков закрутил любовь с одной девицею, с Катенькой.

Дошло дело уже почти до Загс'а, как вдруг Катенька спрашивает:

— Почему, Егор Егорыч, вас лебедем дразнят?

Пятериков не растерялся:

— Это, Катенька вовсе не дразнят, а наоборот. Вид у меня, знаете, лебединый... Гордый и походка тоже.

А Катенька—щепетильная. Губку надула:

— Все-таки, неприятно. Ответственное лицо и вдруг—птица. Вы, Егор Егорыч, должны это аннулировать, а то мне стыдно. Мы как-то с вами гуляем, а люди говорят: „С лебедем пошла“.

После этого разговора Пятериков не спал две ночи и потерял аппетит.

Но, как человек не глупый,—сообразил: „Пока кооператив на ноги не подниму, все будут Лебедем в глаза тыкать. Помрешь, так на кресте какая-нибудь сволочь напишет: „Лебедь“.

Принялся Пятериков за дело: по 16 часов в сутки стал работать: на склад поедет, со слезами товар выпрашивает, а когда нужно—по-матери.

Кооператив начал постепенно подниматься.

Пятериков стал и с мясом, и с хлебом и с рафинадом. Целые дни крутится—только весы поют.

Ему по старой памяти:

— Ну-ка, Лебедь, манной двести грамм.

А он:

— Имейте уважение к личности. Я имя собственное имею.

А когда получил письмо, адресованное уже не Лебедю, а Егору Егорычу Лебедеву, облегченно вздохнул и подумал: „Скоро будут Пятериковым звать, уже недолго осталось“.

Василий Андреев.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Мой друг! Откуда ты?
— Как видишь, из ремонта.
— Ну, и везет тебе! Какой ты, право, чорт:
И ешь за четверых, и пьешь за мастодонта,
А каждый год тебя сплавляют на курорт.
Поправили на ять? В Крыму ты быль иль в Сочи?
Ну, какова там жизнь? Природа какова?
А мы работаем, корпим и дни и ночи,
За вами тянемся, да только чорта с два!
Без денег самому не выбраться в дорогу,
А по комиссии—не так легко попасть...
Ну, что же там тебе лечили: спину? ногу?
Или еще какую часть?
— Гм... Собственно, мой друг, мне... исправляли руку.
— Конечно, шутишь ты?
— Нет, милый—все рука!
— Да что ж ее, скажи, лечить, такую штуку,
Когда она быка
Убьет наверняка?
Болела, что ль, она?
— Нет, только все... чесалась...
И вдруг—комиссия... потом—еще одна.
Я думал—пустяки (ведь я и взял-то малость,
Да и, к тому же, взял спьяна).
Гляжу: померкло все на ясном горизонте...
Я так измучился, что вот бреду едва.
— Постой, я не пойму: ты где же был в ремонте?
— Здесь. В Исправдоме № 2.

Альми

ПИТАТЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ

1. Легче свернуться молоку, чем госучреждению.

2. Если ты уничтожил 10 кабачков в маринаде, не говори, что ты уничтожаешь алкоголизм, ибо еще много разных кабачков маринуется до сих пор на всех углах города.

3. Не думай, что засыпаться можно только с сахарным песком! Человек, устроивший накидку на рафинад, может засыпаться и с рафинадом.

4. Мороженое напоминает казенную сумму: чуть только возьмешь его в руки—оно тает!

5. Не имея в кармане рубля, глупо заказывать в ресторане рубленую котлету.

6. Верх почтительности представляет собой—желе: оно одинаково дрожит и перед завом и перед курьером.

7. Повара в рабстоловых—плохие сплетники: они очень редко перемывают, как следует, косточки.

8. Устрицы напоминают замечания ответработника: их нужно проглатывать.

М. К—ий

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ

I

— А поезд подбавляет все ходу, будто догоняет кого...
— Именно догоняет... Довоенный уровень!

II

— За разбитие стекла и в прошлом годе пятерку брали, и нынче! Где же у вас снижение цен?

САННАДЗОР ПОДНАПИРАЕТ!

Рис. И. Каликина

„В деревне санитарная комиссия—явление весьма редкое и появление санитаров вызывает настоящую панику". (Из письма селькора).

Санитар: — Это что за безобразие? Дохлую птицу убрать не можете?
Крестьянка: — Не успели, господин товарищ. Она все время была живехонька и только при вашем приходе окачурилась. Не иначе — от страха: гости вы больно редкие.

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

РЫБСИНДИКАТ НА ПЛАХЕ

В «Красной Татарии» читаем:

Года три тому назад Рыбсиндикат имел лесозаготовительные отделы; правлением Рыбсиндиката было куплено 380 кубов плах для ящиков, за эти плахи было уплачено 13.000 руб. Они правлением Рыбсиндиката были переданы казанской конторе для использования.

Наступило время ликвидации лесозаготов. отделов. Про плахи забыли. Через год вспомнили. Казанская контора послала своего агента посмотреть, на месте ли они.

Плахи оказались на месте, но под снегом. Прошло еще некоторое время. Рыбсиндикат решил их продать. Снова командировка за оценкой. С покупателями ездили не один раз (на командировки ухлопали до 3.000 руб.).

Покупатели смотреть—смотрели, а от покупки отказались, потому что за время своего лежания плахи потеряли всю свою ценность. Сейчас они стоят в десять раз дешевле, чем командировки по их осмотру. Трату средств на командировки к плахам, которые никто не хочет брать, нельзя признать экономией.

Комиссия по режиму экономии, обсуждая этот вопрос, сделала Рыбсиндикату ряд жестких предложений о соблюдении большей и действительной экономии. Что же касается знаменитых плах, то решено просить КФКИ РСФСР, чтоб он в правлении Рыбсиндиката выяснил, кем куплены плахи, за которые заплачено свыше 10.000 руб. и истрачено на поездки для их осмотра около 3.000 руб.

Как взошел Рыбсиндикат в 1923-м году на плаху, так там и сидит.

Отрубить бы ему голову за такое дело, да беда в том, что рубить-то нечего. Скользнет топор РКИ по воздуху —и только!

ОПАСНОЕ КОСНОЯЗЫЧИЕ

„Ташкентская Правда" рассказывает интересные вещи. Как известно,

в Узбекистане два государственных языка: узбекский и русский. На вывесках учреждений и магазинов — надписи на русском и узбекском языках.

Но на самом деле, все обстоит несколько иначе:

русский язык не переводится на узбекский, а только переписывается другими буквами.

Например:

по-русски—твердый вагон, по-узбекски переписано — творди вугун. По-русски—склад, узбекскими буквами—исклад. И наконец, верх глупости: -Донгостабфабрика, узбекскими буквами—Дунгустубфабрика. А „дунгус" по-узбекски—свинья!

Напишем и мы, пользуясь этим рецептом, по-узбекски: „Дуруки мнугие тушкентские удменистраторы!"

ОБ ОДНОЙ КРЕПОСТИ

Всмотритесь в рисунок.
Вы видите полуразрушенную старинную крепость.
И под ней подпись: „Креп. не свыше 14°".
Оно и видно, что не свыше. Иначе бы в небеса макушкой уперлась.
А в небеса упиралась, как известно, крепость довоенная.

ТИХООКЕАНСКИЕ ХОЗЯЙСТВЕННИКИ

Хорошо поставлено сельское хозяйство в совхозе С.-Х. Техникума в Хабаровске. Казалось бы, учебное заведение должно хоть что-нибудь смыслить в с.-х. науке... Однако...

Купила администрация трактор. Но не купила керосина. Трактор провалялся в сарае. Пахали же на волах. — Проводили электричество. Воткнули в поле какие-то палки. Начали вешать провода: оказалось, палки не годятся, нужно столбы — Решили купить чистокровного быка-производителя. Купили метиса. Означенный метис оказался непригодным ни для случки, ни для пахоты и т. д.

(«Т. Звезда»)

Ужас берет при мысли о том, что будет делаться в головах окончивших это ученейшее заведение... Не иначе будут на тракторах молоко в город возить, а пахать дубинами. А на что в таком скучае, администрация?!

ВЕЛИКОДУШНЫЕ КРЫСЫ

Самые великодушные крысы на Первомайской Фабрике в Судогде. По словам «Призыва»:

Ранней весной в Судогде на „Первомайской" фабрике произошло необычайное событие.

Для электромонтеров прислали спецодежду. Не какой-нибудь фартук, который по калибру можно с успехом повязать вместо слюнявчика грудному ребенку—нет, прислали галоши.

Настоящие, новехонькие резиновые — три пары.

Галоши прямо от посыльного были отнесены в склад. Запер их Осокин, заведывающий складом.

Случилось тут наводнение.

— Спасай фабрику!

— Фабрика что? Ее не унесет. А вот галоши-то как?

Мечется по фабрике Осокин, галош три пары под мышкой держит — Ищу, — говорит он,—надежное место. В складе они утонут.

Вода спала. Осокин явился к директору. Раза два в кулак для храбрости кашлянул и заявил:

— Так что... Галоши крысы изъели. Непригодны к носке.

И был тут приказ: «Создать комиссию из завскладом и представителя фабкома при моем присутствии».

Мраком неизвестности покрыты деяния комиссии, но для истории остался некий документ, именующийся актом. Съеденные крысами галоши были списаны в расход.

Прошло два месяца. Вдруг по фабрике приказ: «Акт, подписанный мною, аннулируется, галоши крысами не съедены и к носке годны».

Заводская «крыса» — сознательная. Совесть имеет.
С галошным кризисом считается.
Занести бы ее на красную доску!

ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

Жалуются инвалиды из Самарской Инвалидной Кооперации на председателя своего гр. Резниченко: —

Кроет матом по чем зря. И вообще — держиморда в образе фельдфебеля старого режима, в каковой должности и состоял до Февральской революции... Писали мы в «Крокодил». Подарил «Крокодил» председателю нашему громкоговоритель, чтобы мог он крыть матом на весь С.С.С.Р.,—однако, не помогло... Последняя надежда — на «Смехач». Авось он посодействует.

Нам думается, что «Крокодил» зря громкоговорителями бросается. Мы люди скромные, бережем народное радио-достояние. Имеем честь предложить т. т. инвалидам из Самары недорогой самодельный намордник с замочком, оставляющим отверстие для приема пищи. Ключ от намордника хранится или у казначея (растратит подлец?!), или—еще лучше,—у члена ревиз. комиссии, вплоть до общего собрания пайщиков, когда председателю предоставляется слово для очередного доклада. — И самарцы довольны. И мата не слышно. И кооперация полным ходом идет к светлому будущему.

СИМПАТИЧНАЯ ЛОШАДКА

В Тульской губ., в Сафоновском районе, по словам „Коммунара":

У начальника сафоновской милиции Сушина объявилась чудо-лошадка: с января по июнь вьючным домашним животным съедено овса *на 448 руб. 72 коп.*, в то время как *пять лошадей* милиционеров *съели вместе* за тот же *срок на 492 рубля*.

Читателям «Смехача» предлагается отгадать простейшую провинциальную задачку: Дано, что нач. милиции посадил лошадку на овес и воду. Спрашивается, когда лошадка посадит начальника милиции за кражу казенного фуража?!

КАК Я БРОСАЛ

Легко сказать:

— Брось.

Я и сам могу привести тысячу доводов, неоспоримо доказывающих весь вред этой дурной привычки.

На первом месте, конечно,—лишний, непроизводительный, нецелесообразный расход. В буквальном смысле,—пускание денег на ветер.

Я подсчитал: в месяц выходит не меньше пяти рублей.

Это значит — я мог бы съесть на полтора пуда больше черного хлеба, или выпить двадцать восемь дополнительных литров молока.

Этакие заманчивые перспективы!

Во-вторых, по свидетельству медицины, легкие человека не имеют даже отделенного сходства с дымовыми трубами—и совершенно легкомысленно столь деликатную (легкую!) вещь изо дня в день прокапчивать дымом.

И, наконец, третий и, пожалуй, самый веский довод: я не служу ни в канцелярии, ни на заводе табачного треста: я не заинтересован в развитии табачной продукции: пусть лопается!

Кажется, вполне достаточно, чтобы раз и навсегда решительно бросить курить.

И я решил бросить.

* * *

В понедельник 13-го августа, ровно в 6 часов вечера, я сказал: — баста. С этим делом кончено. Буду выдерживать характер. Главное, не поддаться первые два-три дня. Перетерпеть...

Я подошел к окну, и коробка, в которой еще оставалась одна папироса, полетела, перевернулась в воздухе и упала на выступ соседней крыши (живу я в верхнем этаже).

— Кончено!

Отойдя от окна, я тотчас машинально полез рукой в карман, вытащил коробку спичек, а другой рукой похлопал себя по всем карманам, отыскивая папиросы.

Спохватился и подумал со злостью:

— Вот проклятая привычка! Не успел, как говорится, петух пропеть, а я уже.. Нет! Нужно быть твердым. Подумать только: двадцать восемь литров молока, или полтора пуда хлеба!..

Я усиленно настраивал себя на размышление о пользе этой дополнительной пищевой дозы.

— Буду благоразумен,—говорил я себе:—и зачем откладывать? Начну эту полезную замену сейчас же...

Я сидел, пил молоко. Выпил бутылку и нашел, что молоко, действительно, очень вкусно и, так сказать, с каждой каплей вливает в организм лишнее здоровье. Месяц попью вот так—и стану геркулесом.

Прикончив бутылку и нравоучительно додумав до конца эту мысль, я вдруг поймал на самом краешке мозга этакое ощущение:

— Попил молочка, а теперь хорошо бы... закур...

Нет! Ни за что! Всякий последний и решительный бой труден, но я не поддамся. Ах, подлый организм! Дыму тебе захотелось? Я о твоей пользе думаю, а тебе, подлецу, дыму в легкия надо?! Жри молоко!

Я выпил вторую бутылку. Я выпил третью. Но молоко—не пиво, чтобы хлестать дюжиной. На пятой бутылке я был переполнен до краев, а желание покурить не утонуло в молоке.

Я стал ходить по комнате. Подошел к окну, и первое, что увидел, была моя коробка, лежавшая на крыше.

— Чорт бы тебя взял! Не могла упасть на землю! Нарочно задержалась, чтоб глаза мозолить...

Я отошел от окна, но комната так спланирована, что, гуляя по ней, нельзя не вернуться к окну.

— В сущности,—с досадой думал я, поглядывая на крышу,—я мог бы и не торопиться бросать коробку. Ведь там всего одна папироса. Если бы я теперь выкурил эту одну папироску, мне было бы легче в дальнейшей борьбе. Нельзя же так, сразу...

Малодушие! Позор! Неужели не выдержу? Я схватил пальто, шляпу и бросился из квартиры. Нужно рассеяться, нужно чем нибудь занять внимание. Куда, однако, девать себя? Хорошо бы—в вагон для некурящих. И ехать три дня в таких условиях, чтобы и на площадку нельзя было выйти... Как в 20-м году...

Я блуждал по городу, стараясь забраться куда нибудь подальше от встречных, дымивших папиросами, от проклятых урн с надписью „Для окурков", и от табачных ларьков, подстерегавших меня на каждом шагу...

Без пяти двенадцать я встал со скамьи какого-то скверика и решил итти домой. После двенадцати ворота будут закрыты, торговля кончится, и я буду спасен от соблазна купить папиросы.

Я вернулся домой, окончательно обессиленный. Полцарства за папиросу! Чорт с вами—даже все царство целиком и еще весь мир в придачу. И даже не за папиросу—а за несколько затяжек.

Позабыв снять пальто, я принялся обшаривать комнату, в надежде найти случайно завалявшуюся папиросу. Вещи летели на середину комнаты, все ящики стола были выпотрошены. Нигде ничего.

Я схватился за часы: может быть, еще успею сбегать купить.

Часы показывали половину второго. Поздно! И впереди длинная ночь...

Заснуть. Не раздеваясь, как был,—в пальто, я повалился на кровать. Теперь нужно думать о белом слоне—и заснешь.

Я старался думать о белом слоне: он представлялся в самом насмешливом виде, с папиросой в хоботе.

Я проклял это подлое животное и в отчаянии вскочил с постели.

Что делать? И вдруг вспомнил: на крыше! Господи, вот дурак!

На крыше лежит целая папироса, а я мучаюсь!.. Но там ли она?

В три прыжка я очутился возле окна. Луна светила во-всю.

Коробка продолжала лежать на крыше

Не помню, сколько времени потратил я на попытки достать коробку.

Чего только я не перепробовал: начиная с манипуляций половой щеткой и кончая занавеской, которая была изрезана и превращена в длинный жгут с петлей.

В конце концов, мне удалось кое как зацепить коробку, но вслед затем она сорвалась и полетела в соседний двор.

Я рвал на себе волосы—папироса была окончательно потеряна.

Не итти же за ней в соседний дом: разве поверит чужой дворник всей этой истории?!

Ба! Дворник! Как я о нем забыл?! Ведь не может быть, чтобы он не курил самокрутки!

Через несколько минут я был внизу. У ворот сидела дворничиха.

Ах, проклятые бабы. Равноправие, а нет того, чтобы курили!..

Опять я вернулся к себе и повалился ничком на кровать. Я был в том состоянии, когда человек готов на всякую подлость, на всякое бессмысленное преступление. Вот пойти сейчас и зарезать подлую дворничиху!. Этакий у нее подлый куцый нос, похожий на пуговицу! А голос! Что за голос!

— Не куряш-ша!

У, стер-рва!..

Дальше я снова принялся за поиски.

Разобью комнату на участки и буду методично искать.

Увы!—и на этот раз самые тщательные исследования не увенчались успехом.

Как вдруг меня обожгла, словно молния, неожиданная догадка: под кроватью! По утрам я курю и, притушив окурок об стену, разжимаю лениво пальцы.. Окурки должны там остаться. Это место недоступно для уборщицы...

Я полез под кровать, выбрасывая оттуда башмаки и картонки.

Два! Их оказалось всего только два окурка. На одном ничего, кроме обгоревшей бумаги. На другом—примерно, десяток табачных волоконец

Бережно перенес я добычу на стол. Теперь внимание и осторожность! Каждая крошка дорога. С миру по нитке—и так далее...

Я уже почти мог шутить.

Я вытряс остатки на лист бумаги. Затем, сдвинув с гильзы краешек трубочки из папиросной бумаги и стараясь не дышать, пересыпал туда остатки с такой осторожностью, словно они стоили миллионы рублей золотом.

Ах, никогда в жизни я не испытывал такого наслаждения, как в тот раз, в ту ночь, когда, наконец, сладострастно втянул в себя табачный дым.

Нужно ли говорить, что в семь часов утра (а я встаю, обычно, в девять) я уже бежал за папиросами, „высунув... голову и сломя язык".

И нужно ли добавить, что, вынимая мелочь из кармана, я обнаружил там совершенно целую, только слегка помятую папиросу.

Но это бывает всегда со всеми: вещь находишь не тогда, когда она до зарезу нужна.

Вы говорите:

— Бросьте.

М-да! Легко сказать!

Вот я написал, а теперь.. теперь покурим!!

Ив. Прутков.

СВЕРХ-ПРИБЫЛЬ

Заработок нищего доходит до 5—6 руб. в день

Рис. А. Р.

— Хряй, Митька, под ворота: фининспектор идет!..

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ.

Рис. Б. Антоновского

— Послушайте! Это-ж безобразие! Подали мне яичницу с гвоздем!!
— Зря, гражданин, на столовую обижаетесь! Нонче-то яички какие доставляют; не то, что раньше!

ДВА ЛИЦА ПИЛСУДСКОГО.

Пилсудский заявил, что всей душой стремится к миру.

Напрасно пан настроил лиру,
Жалеем пана мы вдвойне:
Как ни стремится задом к миру,
Он все стоит лицом к войне!

М.

У ПРИЛАВКА

— Отчего это у вас гирьки стали легче?

— Снижение цен-с!

С НОВЫМ ГОДОМ!

— Я думаю, следует поздравить нашего заведующего с новым хозяйственным годом.

— Вы с ума сошли! Он еще за позапрошлый год никак отчитаться не может!

СРЕДИ КООПЕРАТОРОВ

— А все-таки мы не научились еще торговать!

— Ерунда! Возьмите несколько частных уроков. Научитесь!

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

— Прямо места себе не нахожу!

— Отчего?

— Оттого, что не могу найти себе места!

МАЛЕНЬКАЯ РАЗНИЦА

В связи с увеличением потребления вина сократилось потребление пива.

Сказать по правде, откровенно,—
Осталась та же сердцевина:
Лишь вместо „Вена"
Пишем „Вина".

ПРЕДЪОСЕННИЕ СТРОФЫ.

Синий день. Но рано — в 8 —
Гаснет эта синева,
И в нее глядится Осень,
Точно в зеркало вдова.

Скверы, улицы, бульвары
Переполнены толпой.
Город манит нас, как старый
Неизлеченный запой.

Мечет, кружит всех жестоко
Мелких дел круговорот.
Служба, счет электротока,
На учебники расход;

Тем — галоши, этим — шляпа,
Тут — квартира, там — дрова,
У того в пальто из драпа
Моль проела рукава...

Полон вечных опасений,
Огорчений и тревог,
Обыватель предъосенней
Лихорадкой занемог.

И над сутолокой этой
Четко слышен, как всегда,
С новой бодростью пропетый
Гимн осеннего труда.

Дм. Цензор

БЕСПЛАТНЫЙ ПОДЪЕМ

«Электроэксплоатация» готовится к работам по массовому восстановлению лифтов в ленинградских и московских домах.

Рис. Б. Малаховского

— Пожалуйте в лифтик. Подыму-с...
— А... а разве можно не члену „Добролета“?

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

В «Вечерней Москве» № 196) так описано пребывание аргентинцев в Москве (обыкновенной):

Прямо с вокзала экскурсанты отправились осматривать Москву.

В план осмотра входят: Красная площадь, могилы вождей революции, московских театров и храмы.

О такой достопримечательности Москвы, как **могилы московских театров**, мы слышим впервые!

*

Анатолий Мариенгоф счел необходимым присоединить к множеству воспоминаний о Есенине — свои собственные.

Вот какое впечатление производили, по свидетельству А. Мариенгофа, стихи его друга, Есенина, на неподготовленного слушателя:

Перед тем, как разбрестись по домам, Есенин читал стихи. Оттого ли, что кричал он, ввергая в звон подвески на наших «канделяберах», а себя величал то курицей, снесшейся золотым словесным яйцом, то пророком Сергеем; от слов ли крепких и грубых, но за стеной, где почивала бабушка, *что то всхлипнуло, простонало и в безнадежности зашаркало шлепанцами по направлению к ватерклозету.*

Стоило ли выпускать издательству «Огонек» экстренную книжку, в которой говорится о прекрасных стихах Есенина, как о хорошо действующем... слабительном средстве?..

*

Вот до чего договорился театральный рецензент А. Гвоздев в «Красной Газете»:

Здесь достигнута музыкальность пародии и сатиры такой тонкости, какой мы не найдем ни в опере, ни в балете. Вместе со „звучащей декорацией“ здесь **зазвучало** по-новому и **тело актера**.

Мы представляем себе такую сценку за кулисами:

— Боюсь сегодня петь! — говорит перед выходом актер. — Голос у меня сегодня не звучит!

— Пустое! — успокаивает его товарищ по труппе. — Вот А. Гвоздев нашел, что у тебя звучит тело. Выступай без боязни, — успех тебе обеспечен!

*

Должен-ли уплатить установленный штраф поэтически настроенный пассажир, которому придет в голову остановить в поле поезд исключительно для того, чтобы запросто, без ломаний, окунуться в колосья опаленной щекой?

Этим вопросом мы заинтересовались, прочитав в «Комсомольской Правде» (№ 194) стихотворение Анатолия Боровкова «Покос», из которого приводим следующие любопытные строки:

Хорошо б теперь запросто и без ломаний
Окунуться в колосья опаленной щекой.
Окунуться, чтоб зерна запылили голландку,
Окунуться, чтоб чашей увидать небосклон...
Стой, машинист!
И пускай полустанком
Будет этот вот мягкий душистый перрон!

Один остановит поезд для того, чтобы «окунуться в колосья щекой», а другому захочется остановить поезд для того, чтобы окунуться в колосья какой-нибудь другой частью тела.

А транспорт страдай!

Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

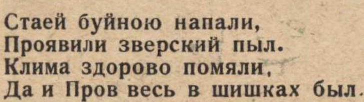
Ленинградский Гублит № 21085. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 3942. Тираж 80.000.

КЛИМ И ПРОВ

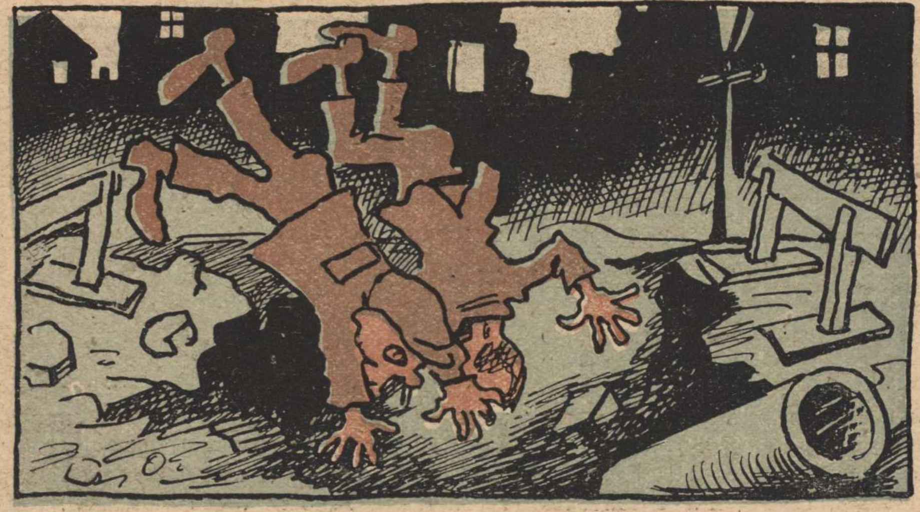

В вечерок благоуханный
Как-то вышли Клим и Пров.
Вдруг навстречу хулиганы.
Крики. Свист И вой, и рев!

Стаей буйною напали,
Проявили зверский пыл.
Клима здорово помяли,
Да и Пров весь в шишках был.

День спустя, взглянуть на Клима
Было страшно. Ну, а Пров—
Знай, живет невозмутимо:
И красив он, и здоров!

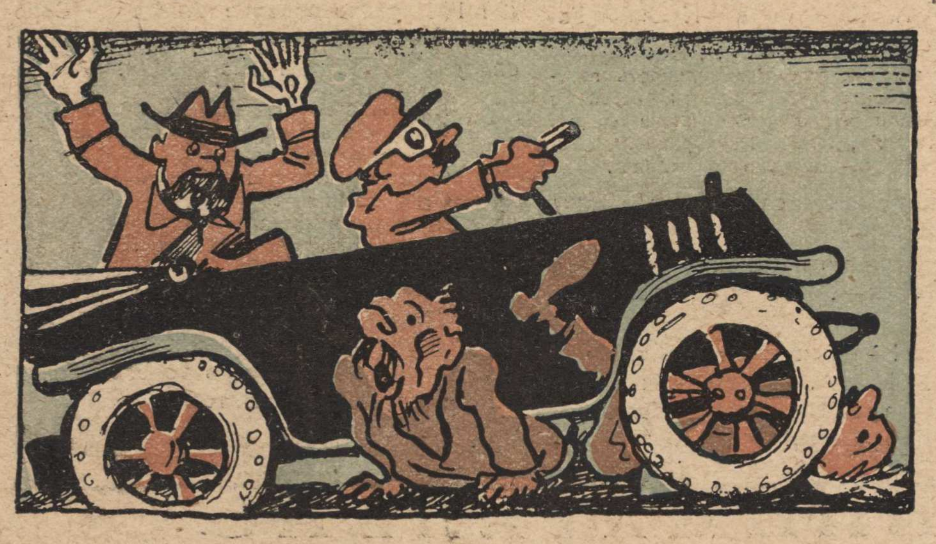

Пров шагает бодро, прямо,
Клим—хромает: не житье!
Вдруг—беда: пред ними яма!
Клим и Пров летят в нее!..

В яме Клим вопит и плачет,
А у Прова страха нет.
Бравый вид его—что значит?
Видно, знает он секрет!

Клима долюшка сурова:
Клим—завзятый инвалид...
Если-ж взглянем мы на Прова,—
У него веселый вид!

Клим кряхтит, а Пров наш — дока!
Вдруг на них автомобиль!

Изувечил их жестоко
И удрал, вздымая пыль.

Клим из строя выбыл снова,
Пров-же весел. Почему?

Потому—у доки Прова
Есть АПТЕЧКА на дому!

Не найти аптечки лучшей,
Не аптечка—мир чудес:

Все тут есть, на всякий случай:
Марля, капли и компресс!

Тает Пров почище свечки,
Пров—танцует трепака.

Жить не сладко без АПТЕЧКИ,
А с АПТЕЧКОЙ жизнь легка!..